

В.М. Калинин

УДК 413.13:8-1(09)

ПОЭТОНИМОЛОГИЯ: ИЗ ЗАМЕТОК О МЕТАЯЗЫКЕ НАУКИ

Реферат. Представлены сведения о развитии метаязыка поэтонимологии как науки о собственных именах в литературных произведениях, определены его терминологические составляющие. Сформулирована позиция автора, относительно характера терминосистемы ономастики. Основное внимание уделено некоторым аспектам развития собственно ономастической части понятий и терминов поэтонимологии. Показан базовый характер термина “поэтоним” и возможности его использования для формирования специальной поэтонимологической терминологии. Рассмотрены достоинства и недостатки различных наименований дисциплины, изучающей собственные имена художественных произведений.

Ключевые слова: метаязык, поэтоним, поэтонимология, стандартизация, термин, терминография, терминосистема.

На ономастических конференциях начала нового века в Украине и России с разной степенью активности, но неизменно, поднимаются вопросы, связанные с необходимостью упорядочения и стандартизации терминологии, развития метаязыка ономастики. За 20 лет, прошедших со дня выхода в свет второго издания «Словаря ономастической терминологии» Н.В. Подольской [11] в филологической науке произошли значительные перемены. Возникли не только новые направления лингвистических исследований, но сформировались парадигмы, на многие годы вперед определившие направления развития филологии. Это естественным образом не только повлияло на ономастические науки, но и привело к появлению новых направлений исследований, прежде всего, в области функциональной ономастики. Единственный пока терминологический словарь, оставаясь крайне необходимым для лингвистов, особенно для начинающих ономастов, не отражает перемен, произошедших в метаязыке науки. Отсюда вполне понятная тревога специалистов.

Среди проблем, возникающих в связи с задачей создания нового словаря, важное место занимает вопрос о том, какой быть терминологии ономастики. Так, в обсуждениях довольно часто озвучиваются мнения о необходимости развития терминологии, ориентированной на национальный язык. Хорошо это или плохо для науки уже сложившейся и располагающей терминосистемой, понятной ученым во всем мире уже потому, что базируется она на общепринятой основе? Позиция автора статьи в этом вопросе такова: 1) существующая терминосистема не должна разрушаться; 2) развитие терминологии (создание новых терминов) должно осуществляться в соответствии с уже сложившимися правилами и принципами (т.е. не вступать в противоречие с уже существующей системой). От того, что вместо слова “ономастика” для обозначения науки мы станем использовать слова “имяведение” или “назвонавство” большой пользы не будет, а последовательное проведение этого принципа в жизнь приведет к появлению терминологии изолированного типа. В истории науки известны не вполне удачные опыты насыщения исследований нетрадиционной терминологией. Из области хорошо известной ономастам назовем «Философию имени» А. Ф. Лосева и (в определенной части) «Имена» о. П. Флоренского. Сказанное вовсе не обозначает, что не должны составляться и издаваться словари на национальных языках, тем более, словари, отражающие развитие научной мысли в разных странах.

Отличие задач, решаемых поэтонимологией, от проблем ономастики в “традиционном” варианте ощущалось учеными фактически с самого начала ее существования. На необходимость развития метаязыка литературной ономастики, по крайней

мере, терминологической его составляющей, первым обратил внимание В.Н. Михайлов. В тексте диссертации, посвященной собственным именам русской художественной литературы XVIII – первой половины XIX веков, ученый неоднократно останавливался на особенностях употребления того или иного термина, а первую главу диссертации завершил “несколькими замечаниями о терминах” [10, с.59-60]. Сюда вошли разъяснения, касающиеся “условно-литературных прозвищ”, “условных имен”, “поэтических или авторских прозвищ” и т.д.. Правда, диссертанту не удалось избежать некоторой непоследовательности. Так, остановившись на разграничении понятий “ономастикон”, “литературный ономастикон” и “общенародный ономастикон”, он, по сути, указал, что литературный (“совокупность собственных имен, используемых в художественной литературе”) и общенародный (“собственные имена, бытующие в языке, помимо художественной литературы”) ономастиконы в совокупности составляют “ономастикон” (совокупность собственных имен), что представляется искусственным “механистическим” решением. Кроме того, в значении “совокупность собственных имен” использовался в диссертации также термин “ономастика”, одновременно именующий научную дисциплину. Последнее “смещение”, к сожалению, встречается на страницах некоторых публикаций до сих пор, несмотря на то, что практически всеми ономастами давно признано удачным применение терминов *ономастика* только для наименования науки, а *онимия* - для обозначения совокупности собственных имен. Так что претензии к В. Н. Михайлову в этой части вряд ли целесообразны.

В метаязыке поэтономологии как описательной по преимуществу науки условно можно выделить несколько основных терминологических составляющих: собственно ономастическую, литературоведческую и методологическую. Ономастическая составляющая предназначена для описания онимии литературных текстов как специфического класса имен. Литературоведческая – используется для представления “среды обитания” поэтонимов. Задачей методологической составляющей является адекватное описание оснований и “технологий” использования тех или иных приемов и методов исследования собственных имен в художественной речи. Непроницаемой границы между этими составляющими метаязыка поэтономологии, по-видимому, нет, да и быть не должно, ибо все они служат общему делу – Филологии Имени. К тому же при взаимодействии названных составляющих метаязыка часто возникает необходимость терминировать то или иное понятие для того, чтобы отчетливее обозначить специфику исследуемых сущностей, явлений и процессов. Тем не менее, рассмотреть их удобнее по отдельности. Ниже все внимание будет сосре-

доточено на нескольких вопросах становления специализированной части ономастической составляющей терминосистемы поэтономологии.

Вопросы метаязыка науки и, прежде всего, развития, совершенствования и унификации терминологии, начинают волновать ученых, как правило, с того момента, когда они осознают специфику изучаемого материала, начинают применять новые подходы к нему и вырабатывают свои методы исследования. Так, собственно говоря и обстояло дело в поэтономологии – дисциплине со все еще ощущаемой “молодостью” и весьма прочными “родительскими узами”.

Принято считать самостоятельной ту науку, которая обладает рядом существенных признаков, прежде всего, способностью описывать, объяснять и предсказывать процессы и явления, составляющие предмет ее изучения на основе открываемых ею законов. Развитие науки связано с аккумулярованием прошлых достижений, входящих в переосмысленном виде в последующие теоретические положения, а также с диалектикой дифференцирующих и интегрирующих процессов. Возникновение и развитие научной дисциплины, изучающей поэтику проприальных единиц, обусловлено именно этими процессами.

В деле становления как самой науки о собственных именах в художественной литературе, так и ее терминологии неоспоримо значение трудов Ю.А. Карпенко. Именно он первым “во весь голос” заявил о том, что собственное имя в художественном произведении существенно отличается от имени, употребляемого в условиях естественной коммуникации [6]. То, что предмет поэтической ономастики представляют вовсе не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация – *поэтонимы* сегодня уже не нуждается в доказательствах. Основное отличие поэтонима от собственного имени состоит в том, что поэтонимами, как правило, обозначаются не реальные, а существующие в творческом сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных именем собственным. Даже в тех случаях, когда поэтоним называет лицо, какой-нибудь топографический или другой реально существующий или существовавший в прошлом объект, ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры. Различие между поэтонимами и собственными именами состоит также в том, что первые отличаются принципиальной динамичностью содержания, неустойчивостью относительно принадлежности к ономастической или апеллятивной лексике. Третье существенное отличие поэтонимов от собственных имен связано с гегемонией эстетической функции и доминированием в семантической сфере “поэтических” коннотаций.

На протяжении четверти века автор статьи настойчиво предлагает, опираясь на понятие *поэтоним* как базовую единицу, формировать терминосистему поэтонимологии. Признание за миром реальным и миром художественным кардинальных различий и специфических свойств дает основание считать знаковые системы, обслуживающие эти миры, тоже различающимися. Исходя из представления о художественном произведении как о вторичной семиотической моделирующей системе, можно и об онимии, если таковая представлена в произведении, говорить как о вторичной системе, моделирующей реальную. Сущностное противопоставление реального и художественного миров на уровне ономастической терминологии требует принятия в качестве основополагающей антиномии *оним – поэтоним*. А наличие в ономастике развитой и привычной системы терминообразования обеспечивает метаязык поэтонимологии словообразовательными моделями. Производя в ономастических терминах замену компонента *–оним* на *–поэтоним*, получаем непротиворечивую и логичную систему терминов поэтонимологии, например: *антропоним – антропоэтоним, зооним – зоопоэтоним* и т.д. Здесь, как говорится, все просто.

Возможно, несколько труднее для восприятия будет аналогичная работа, проделанная с терминами, предназначенными для обозначения ирреальных объектов. Однако попробовать можно. Возьмем область номинации – мифологию. Имена, функционирующие в ней, принято называть *мифонимами*. Следовательно, *мифонимы*, функционирующие в художественном произведении, должны именоваться *мифопоэтонимами*. Это будет термин видовой, название разряда собственных имен. Следуя логике ономастической терминологии, у каждого видového термина может быть родовой. Например, в вид *“топонимы”* входят родовые термины *гидроним, ойконим, ороним, спелеоним* и т.д. Поэтому среди мифонимов могут быть мифотопонимы (Олимп, Стикс, Сцилла, Харибда и т.д.). Эти в свою очередь могут быть мифооронимами (Олимп), мифогидронимами (Стикс, Лета) и т.д. Оказавшись в художественном произведении, все они превращаются в поэтонимы, поэтому исследователь, квалифицируя описываемые имена, должен заменить расширение *–оним* на *–поэтоним*. В результате мифотопоним должен называться *мифотопопоэтонимом*, мифоороним – *мифооропоэтонимом*, мифогидроним – *мифогидропоэтонимом* и т.д. Возможно, некоторые из этих терминов выглядят громоздко. Но ведь совсем не обязательно доводить хорошее дело до абсурда. Думается, что во многих случаях на помощь исследователю вместе с языковым чутьем должно приходиться чувство меры. Много ли найдется во всех мифологиях мира мифогидронимов? И все ли они становятся элементами художественных текстов?

Н.В. Подольская, много сделавшая для становления ономастической терминологической систе-

мы, отмечала, что оценки терминов специалистами, как правило, субъективны, многое “зависит от общеизвестности или малоизвестности термина (общеизвестный, как правило, стихийно принимается за удачный, хотя это не всегда соответствует истине)” [11, с.11]. В связи с этим уместно возвратиться к словарю ономастической терминологии. В конце прошлого века Л.О. Белей и его ученики стали активно использовать термин *литературно-художний антропоним* (ЛХА). Ученый отделил ЛХА от соответствующих им антропонимных единиц языка, убедительно показав, что “поділ ЛХА на традиційні антропонімні класи (імена, прізвища, прізвиська тощо) є результатом читацького сприйняття, свідомо створюваною авторською ілюзією, що ґрунтується на чисто зовнішній, структурній аналогії ЛХА до одиниць певних антропонімійних класів”. В то же время, по Л.О. Белей, «ЛХА є власними йменуваннями персонажів, що “живуть” на сторінках літературно-художніх текстів, де покликані виконувати певні стилістичні функції» [1, с.7, 8]. По сути дефиниции, в литературном произведении не исключается употребление и собственных имен, которые не относятся к категории поэтонимов. Остается нерешенным и вопрос относительно поэтонимов, генетически восходящих к категории антропонимов, например, в поэзии, где термин “персонаж” приложим лишь к лиро-эпическим или эпическим произведениям. Наш термин *антропоэтоним* относится ко всем без исключения собственным именам людей, употребленных в любой возможной функции в контексте художественной письменности, под которой понимается совокупность зафиксированных для чтения словесно-художественных творений, включая и образующие фундамент мировой литературы тексты, существовавшие для публичного (устного, театрального и т.д.) исполнения, и не лишенные эстетической ценности синкретические памятники письменности (Библия, Ригведа, и т.д.), и собственно художественную литературу. Исходя из сказанного, уместным подходом к решению проблемы отбора и описания терминов для специализированного словаря будет, во-первых, не выбор той или иной (“нравящейся” составителю) единицы, а, по возможности, полное представление существующей (или существовавшей в прошлом) в научном обороте терминологии. Во-вторых, при описании в словарной статье сходных, но все-таки различающихся в чем-то понятий необходимо четкое определение покрываемого термином содержательного “пространства.”

Однако этот вопрос – лишь один частный аспект ономастической терминографии. Для развития метаязыка поэтонимологии куда важнее глубокое исследование существа явления. Вся художественная письменность и, в первую очередь, литература по сути своей *гомоцентрична*. Литература

ратуру часто называют “художественным исследованием” или “человековедением” (М. Горький) за проблемность, аналитичность, пафос самопознания человека до сокровеннейших глубин его души” [7, с.187]. Главным объектом воспроизведения и постижения в художественной литературе (всегда с точки зрения человека) является человек, его мир, многообразие человеческих отношений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что абсолютное большинство поэтонимов в художественной литературе – имена людей. В исследованиях же поэтики собственных имен их называют то *антропонимами*, то *литературными (поэтическими) антропонимами*, то *ЛХА* (литературно-художественными антропонимами), то *антропоэтонимами*. До обоснованной ясности здесь пока еще далеко, прежде всего, потому, что лингвисты и литературоведы часто игнорируют достижения друг друга. По нашему мнению, изучение антропоэтонимов, кроме лингвистического и, шире, филологического, имеет глубокий культурно-философский смысл. Прошедшие литературное и культурно-историческое оформление антропоэтонимы становятся, наряду с другими средствами типологизации и символизации, основой социальных и морально-психологических оценок и обобщений, обеспечивающих потребности человеческой коммуникации.

Среди трудностей, стоящих перед исследователем антропоэтонимии, есть связанная с отсутствием развитой и достаточно формализованной классификации личностей, фигурирующих и имеющих имя в художественном произведении. В связи с этим возникает необходимость не столько уточнения ряда литературоведческих понятий, существующих для обозначения различных лиц в художественном произведении, сколько разработки на его основе классификационной схемы, позволяющей, распределив антропоэтонимы по группам, понять специфические черты поэтики каждой группы на любом уровне обобщения (отдельного произведения, цикла, творческого наследия одного автора, произведений определенного жанра, литературного направления, наконец, художественной литературы в целом).

Довольно часто в литературоведении для обозначения лиц художественного произведения используется идущий от понятия *театральной маски*, *личины* термин *персонаж* (франц. *personnage*, от лат. *persona* - лицо, личность), в определенном смысле передающий то же содержание, что и сочетание *литературный герой*. Однако жесткой дефиниции этого термина не существует. Э.Б. Магазаник предложил четыре толкования термина: 1) лицо, представленное и характеризующееся в действии, а не в описаниях; 2) любое действующее лицо, субъект действия вообще, представлен ли он непосредственно или о нем, о его поведении рассказывается; 3) второстепенное лицо, су-

щественно не влияющее на события произведения; 4) “негероический” персонаж или просто незначительное лицо [9]. Первому понятию более всего соответствуют герои драматургии, второму – все литературные герои, третьему – периферические, четвертому – второстепенные, эпизодически фигурирующие в произведении лица. Два первых определения объединяются понятием *действующее лицо*. Общий знаменатель двух других толкований – *не герой*. За время, отделяющее приведенные выше дефиниции от наших дней, серьезных изменений в отношении к термину *персонаж*, по-видимому, не произошло. Более разработан термин *литературный герой*. Кроме синонимичных понятию *персонаж* употреблений в нем прослеживаются значения 1) многогранная, весомая для идеи произведения фигура; 2) близкий авторскому идеалу положительный персонаж. С понятием *литературный герой* теоретики литературы связывают понятие *характер*. Главное же, что обращает на себя внимание – это отношение к литературному герою как к динамическому единству. Поэтому “ни имя, ни скрепляющая героя первоначальная установка не мешают ему изменяться, развиваться даже в неожиданном направлении” [2, с. 34-35]. Антропоэтоним в данном случае есть знак единства динамической интеграции, целостности героя. Таковым же по существу должно быть и отношение к антропоэтониму – динамическому знаку динамического персонажа. Все эти соображения так или иначе должны быть учтены поэтонимологами и, по-видимому, найти место в процессе совершенствования терминологии.

Теперь уместно остановиться на имени дисциплины, изучающей собственные имена в художественной литературе. Долгое время в качестве ее названия использовались различного рода определительные сочетания с термином *ономастика*. К.Б. Зайцева пользовалась термином *стилистическая ономастика*, а подотделы дисциплины предлагала именовать *стилистической антропонимикой*, *топонимикой* и т.п. [3] М.В. Карпенко использовала термин *литературная антропонимика* [5, с.13]. В польской ономастике вначале получило распространение понятие *nazewnictwo stylistyczne* [12], а в последнее время все большую популярность приобретает термин *onomastyka literacka*. В англоязычной литературе по проблемам поэтики собственных имен использовались термины *literary onomastics* ‘литературная ономастика’, *study of names in fiction* ‘наука об именах в художественном произведении’, а также *names in literature* ‘имена в литературе’, *names in literary work* ‘имена в художественном произведении’ [13]. Позднее в восточнославянской ономастике более или менее стабильно стал использоваться термин *поэтическая ономастика* [8]. В последнем издании «Словаря русской ономастической тер-

минологии» Н.В. Подольской зафиксирован именно этот термин-словосочетание и рядом с ним в круглых скобках как “равноправный синоним” дан однословный термин *ономастопэтика*. В словаре Н.В. Подольской термин *ономастопэтика*, представлен как “менее удачный, менее употребительный”, но равноправный синоним, используемый параллельно с основным термином-словосочетанием [11, с.96]. Э.Б. Магазаник предложил пользоваться термином *ономастопэтика* для обозначения средств и функций “интенсивной поэтической ономастики” (в противовес *ономастилистике*, изучающей средства и функции “экстенсивной поэтической ономастики”). В своей монографии [4] после подробного разбора достоинств и недостатков приведенных выше наименований дисциплины автор статьи, полагая, что таким образом преодолеваются недостатки других неоднословных наименований, предложил термин *поэтика онима*. “Это терминологическое сочетание в плане содержания отражает специфику онтологии онима, проявляющуюся в акте художественной речи, а в плане выражения находит поддержку в широко известной генетивной конструкции *поэтика слова*. Итак, научную дисциплину, изучающую собственные имена в художественном произведении, можно именовать *поэтика онима*” [4, с.73.]. Это название дисциплины, “верой и правдой” прослужившее автору статьи более 10 лет, все-таки не было удачным. У него было два недостатка: 1) оно не было однословным;

2) название дисциплины одновременно определяло объект исследования (в “проблемном” смысле слова). Новое название – *поэтонимология* – представляется более удачным по трем причинам. Во-первых, оно однословно. Во-вторых, построено по традиционной модели, состоящей из названия предмета исследования и компонента, обозначающего понятие ‘наука, учение, знание, описание’. Сравним: биология = био (др.-греч. βίος ‘жизнь’) + логия (др.-греч. Λόγος ‘учение, наука’); география = гео (др.-греч. γῆ ‘земля’) + графия (др.-греч. γράφω ‘пишу’). В-третьих, термин однозначен. Он называет науку и только науку.

Говорить о путях унификации, стандартизации, развития, совершенствования и, наконец, описания терминосистемы поэтонимологии можно, как минимум, с трёх позиций: с точки зрения составителя словаря, исследователя-практика и, наконец, теоретика поэтонимологии. Единства и ясности в вопросах терминологии и терминографии ономастики в целом и поэтонимологии, в частности, пока не хватает. Те немногие вопросы, которые были затронуты в статье, отнюдь не исчерпывают глубину проблемы. Поэтому, пользуясь тем, что статья публикуется в специализированном журнале, хочется предложить уже на ближайшей ономастической конференции, которая пройдет в следующем году в Ужгороде, не ограничиваясь форматом круглого стола, организовать специальную секцию, на которой были бы обсуждены “болевы точки” проблемы ономастической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белей Л.О. Функціонально-стилістичні можливості української літературно-художньої антропонімії XIX-XX ст. – Ужгород, 1995. – 120 с.
2. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979.
3. Зайцева К.Б. Английская стилистическая ономастика. Тексты лекций. – Одесса, 1973. -С.30 -31.
4. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
5. Карпенко М.В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса. – Одесса: ОГУ, 1970. – С.13, 14 и т.д.
6. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в художественной литературе // ONOMASTICA – vol.XXX.– Wrocław – Warszawa – Kraków, 1986. – S.6-22.
7. Кожин В.В. Литература // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
8. Магазаник Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1967. - С.4.
9. Магазаник Э.Б. Персонаж // Краткая литературная энциклопедия. – Т.5. – М.:Советская энциклопедия, 1965.- С.698;
10. Михайлов В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII – первой половины XIX веков, их функции и словообразование (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук) – Симферополь, 1955. – 596 с.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
12. Piszczkowski M. Niektóre zagadnienia nazewnictwa stylistycznego// Onomastyka – vol.III. – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1957. – S.116-128.
13. Rudnickij J.V. Functions of proper names in Literary work // Stil und Formprobleme in der Literatur. – Heidelberg, 1960. – P.378-373.

Калінкін В.М.

ПОЕТОНИМОЛОГІЯ: З НОТАТОК ПРО МЕТАМОВУ НАУКИ

У статті йдеться про розвиток метамови поетонімології як науки про власні імена у літературних творах. Висвітлена позиція автора щодо характеру терміносистеми ономастики. Приділено увагу деяким аспектам розвитку власне ономастичної складової терміносистеми поетонімології. Показаний базовий характер терміна “поетонім” і можливості його використання (“Λογος όνομαστική”, № 2, 2008, с.96-101).

Ключові слова: *метамова, поетонім, поетонімологія, стандартизація, термін, термінографія, терміносистема.*

Kalinkin V.M.

POETONYMOLOGY: FROM NOTES ABOUT THE META-LANGUAGE OF SCIENCE

The article is devoted to the development of meta-language of poetonymology as a sciences about the proper names in literary works. Author's position is lighted up in relation to the system of onomastic terms. Attention is spared to some aspects of development actually onomastic constituent of poetonymologic term system. Base character of “poetonym” as a term and possibilities of its use are showed. (“Λογος όνομαστική”, № 2, 2008, с.96-101).

Key word: *meta-language, poetonym, poetonymology, standardization, term, terminography, term system.*